

И

прошлое как будто недалеко. / И будущее так недалеко. / Не осуждайте бедного поэта, / Что оно остановился на пути. / Жизнь прожитая. / Горит Господне лето. / Осталось только поле перейти...

Житейская ситуация «остановиться — оглянуться», обозначенная в стихотворении «Я выхожу из леса...» современного поэта Владимира Кострова, есть куда более значимая по своей сути, чем по-житейски обычная. Это — матрица сегодняшней литературной жизни. Не слишком ли круто утверждение такое? Так оно может показаться, и с полным основанием: одно-то стихотворение в море литературном, что капля в море соленом, где «Капля, упавшая в море, уже не капля, а море». Матрица?.. Так поэт Костров, желающий при завершении творческого жизненного пути в своей земной юдоли оказаться «ближе к Богу», заявляет об этом во всеуслышание. И тем самым, хотел бы он или нет, поспособствовал утверждению нового явления в сегодняшней российской литературе, которое пока не имеет стойкого литературоведческого термина и потому допускает обозначать себя зыбким термином «литература Вожеполья». (Слово «Вожеполье» помогает доступнее, емче совместить такие родственные сакральные символы как «религия», «Бог», «вера», «Церковь Христова», учитывая одновременно, что каждый из них имеет и свой контекст, и свое, пусть еле уловимое, но отличие). Четверть века назад наша прежняя советская многонациональная литература оказалась насквозь атеистическая, с одним лишь правом, предоставленным ей в СССР, правом о каждой из религий, будь то православная, католическая, иудейская, исламская или буддистская, писать только (!) отрицательно, о Боге — уничижительно. В шестидесятые годы XX века лидер СССР вровень с осуществлением великой цели: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме» определил, тоже как великую, цель: «Показать по телевизору последнего попа».

«Интернационалом» сжав материки,
По Земле идут большевики.
И Земля спросить у них боится:
В ту ли она сторону вертётся?..

Даже одно доброе слово в адрес Церкви преследовалось всей силой и мощью атеистического государства. Впрочем, всемогущее, оно и... бессильное. Особенно, когда пыталось буквально из каждой человеческой души искоренить врожденную религиозность. Бабушки наши, как и неотступные евангельские жены-миро-

носицы, хранили в «*беззольной мудрости*», молясь уединенно, оставляя вокруг себя, для близких, «*чистые слезы молитв*» —

Планы, стройки, лагеря и речи —
Рай кует безбожная страна...
Бабушка смиренно ставит свечи,
Шепчет дорогие имена.
В тихом свете,
Возле внуков спящих
Молится, как ангел во плоти,
Обо всех болящих и скорбящих,
Ненароком сбившихся с пути.

Виктор Кирюшин. «Бабушка»

Литературные прорывы случались, когда были поданы в таком зашифрованном виде, в таких иносказаниях, что догадаться о намеке на прямую связь поэтических строк с Богом мог только самый пронизательный читатель и толковый советский цензор. Так именно и случилось с «Гамлетом» Бориса Пастернака:

Если можно только, Авва Отче,
Чашу эту мимо пронеси...
Но продуман распорядок действий.
И неотвратим конец пути.
Я один, все тонет в фарисействе.
Жизнь прожить — не поле перейти...

И вдруг такой безбожной литературе выпадает (из-за развала того самого атеистического СССР) исторический шанс выйти из темного атеистического леса на светлый творческий простор Божеполья! Но сегодня его слово звучит исключительно на духовном влечении автора, независимо от места проживания, принадлежности к творческому объединению, писательскому союзу, к творческой концепции. Именно на такой духовной основе и видится творчество Анны Ревякиной, известного литературного деятеля Донецка, столицы республики ДНР, непризнанной, но и не побежденной той силой, которая «*сегодня называется майданная проклятая Мамаева Орда*», автора поэмы «*Шахтерская дочь*». Для Анны Ревякиной, в отличие от поэта Владимира Кострова, «приближение к Богу» при переходе жизненного поля, происходит совсем в иной обстановке:

Степь моя обетованная, время средневековое,
время мое матерное, кровожадное, страшное.
Стало поле минное, а была пашня...

Страшным стало все: степь — поле — люди:

Утром встанем, пересчитаемся,
похоронимся, поревем.
Эх, война-война — девка та еще!
Частоколы да бурелом,
заминированы окраины,
человеческий страшный суд.
Авель помнит, что всюду Каины,
только высунешься — убьют.

На любой войне к Богу, как самому надежному спасателю, обращаются тысячекратно чаще по сравнению с мирной жизнью. Как показали реалии фронтовых будней, то и прошедшая Великая Отечественная война не была исключением, где и поголовно завязанные советские атеисты, порушившие церкви, синагоги, храмы, монастыри, и активисты-гонители священнослужителей, их семей,

начинали вспоминать Бога. Так что для героини поэмы «Шахтерская дочь», выросшей в иное время, мольба к Богу так же естественна, как естественно дыхание:

Господи, я — отшельник, стрелок, пешка.
Господи, присмотри за мной, установи слежку,
приставь ангела, чтобы рука не дрогнула,
накорми манною дурочку сумасбродную,
дай хоть глоточек чистой воды из колодца.
Путь мой тернистый, путь мой не продается.
Лежу, а в глазах осень, коростой изъеденная.
Господи, вплети мне в косы святое неведение...

И эта просьба, читая которую, остается только содрогнуться: «*Господи, приставь ангела, чтобы рука не дрогнула*»?! Она же, просьба та, о чем?! О том, чтобы не промахнуться в того, кто с той стороны так же смотрит в прицел, тот, кто, может быть, недавно был знакомым, а то и, как знать? — родственником:

На войне не бывает ничьих, только свой и чужой.
По чужому стрелять, своего прикрывать что есть силы,
повторять: «Славу Богу! Живой! Славу Богу! Живой!»
И звонить дочерям с почти севшей мобилы...

Закон всех войн вместе взятых: живым будет тот, кто первым пошлет стрелу, кто выстрелит первым и не промахнется, — остался законом и гражданской войны на Украине в XXI веке, где с донбасской стороны —

Мы — подвальные, мы — опальные,
кандалы наши тяжелы.
Мы — идея национальная,
мы — форпост затяжной войны.
Черной совести боль фантомная,
боль, что мучает по ночам,
эта домна внутри огромная,
наша ненависть к палачам.

Ненависть к палачам, которые стали таковыми, «беснуясь и смеясь». Стали таковыми вначале от участия в массовых плясках-конвульсиях, принадлежность в которых к «майданной проклятой Мамаевой Орде» определялась лишь одним: «Кто не скачет — тот москаль», потом, разогревшись, доходили до зверского рыка: «Москаляку — на гиляку!» А фантомная уверенность в своей правоте, захватившая заметное большинство не только молодых, украинцев: « — Куда, кум, собрался? — Москаля подстрелить. — А если он тебя? — А меня за что?..»

Гражданскую войну двадцатых годов прошлого века в России можно пусть и не оправдать, но понять как войну между богатыми и бедными, куда вплелась потом идейная подоплека, обозначив ее и как войну красных и белых. Гражданская война на Украине своим началом далека от подобных обстоятельств, далека она и от принципиальных разногласий, из-за которых брат идет на брата. Все происходило на уровне затмения разума, ненависти сердца, параноидальных решений, когда «ближе к крайностям — дальше от истины». Какой разумностью новой майданной властью была вызвана в первые же дни отмена русского языка, вплоть до запрета общаться на нем, в Крыму и на Донбассе?.. Разумного ответа нет — есть печальная ясность: после запрета началось гражданское противостояние. С разными последствиями... В Крыму все закончилось благополучным вхождением в желанную гавань с названием Россия, на Донбассе пролилась кровь. В старину на Руси в наказание, чтобы вечевой колокол умолк — вырывали язык: «Он — старинный, внушительный / Свесил медный язык». На Донбассе должен

был умолкнуть, не разговаривать на русском языке народ, говоривший на нем веками. Как ни скажи: жуткая метафора. По этим, и другим обстоятельствам оказались шахтерские девчонки на гражданской войне. Не промахнуться на которой им надо, и чтобы уцелеть для следующего боя, «*война — девка та еще!*», и по извечному закону материнства, чтобы стать источником другой, более драгоценной, жизни:

Родить бы сына,
Назвать Николашей.
Родить невинного,
кормить манной кашей.
Родить красивого,
глазами в деда.
пусть вырастет сильным,
балованным сердцем.
Родить бы дочку.
тонкую, как березка,
беленькие носочки,
платье в полоску.
Волос тугой, русый,
не сплесть в косоньку,
плечики узкие,
пяточки абрикосовые.

Материнство, проявляемое даже в боевых движениях женщины-воина, шахтерской дочери Марии, оно же, неведомо как, по образу и подобию Пресвятой Богоматери: младенца, завернутого в пеленки.

Она захлебнулась огнем, прикрывалась дымом,
ползла, а после бежала к густой зеленке.
Держала винтовку крепко, так держат сына,
младенца, завернутого в пеленки.
Ей было почти не больно, почти не страшно,
ее прикрывали громкие пулеметы.
На палец левее одного километра башня,
а справа стоят огнедышащие расчеты.
— Ребята, прикройте, я отхожу, ребята! —
Мария кричала и падала навзничь в почву,
и кровь ее растекалась как сок граната,
Мария, моя Мария, шахтерская дочка...

Никого не родишь. Только черный камыш да слепая луна над рекой, не пройдет человек, даже серая мышь здесь боится бежать по прямой. Степь — лоскутный пейзаж и горячий рубеж, пограничье двух разных миров. Я люблю этот краж, его дикий мятеж в кружевах кучевых облаков. И винтовка в руках, и ни шагу назад, здесь забытая Богом земля. И бесплодны поля, где под небом лежат нерожденные сыновья...

И все-таки отчаяние от мысли «*здесь забытая Богом земля*» в поэме «Шахтерская дочь» побеждает надежда на божье заступничество, прежде всего, реальным видением этого заступничества: «Славу Богу! Живой! «Славу Богу! Живой!» И от зримо реального виденья у героини поэмы, шахтерской дочери Марии, наступает осознанная вера божьего присутствия в ней, вокруг, а паче того, понимание иной, чем прежде, своей дочерней ответственности, как и за отца, ответственности за все, что происходит рядом — вблизи, в округе. И если Мария по-прежнему сомневается в житейских ценностях, то уже не сомневается, что —

С нами Бог, с нами солнце и с нами дождь,
зарядивший снайперскую винтовку.

Дальше моя память, как память изрядно пожившего человека на этом свете и потому своим менталитетом обязанная советской литературе, неотступно подсказывает поставить шахтерских девчонок в один ряд с молодогвардейцами, которые, по совпадению, а может быть, и по закономерности — земляки шахтерских девчонок. Послушался память свою, поставил в один ряд, испытывая, не скрою, некоторое смущение, поскольку нравственная и духовная крепь подвигов молодогвардейцев и шахтерских девчонок осияна разными идеалами и верами, но как было мне не заметить очевидное, — то, что едино ведет к подвигу за Отечество, что дает надеяться: молодогвардейцы и погибшие шахтерские девчонки там, на небесах, «*во благих водворятся*»... Желая того тем и другим, не переусердствовать бы и мне. Порой по святости подвига, присущей ему, пусть и с чистым искренним воздаянием причисляем к святым и человека, свершившего подвиг. Скажем, защищая Зою Космодемьянскую от мерзостных нападков, разумно ли впадать в другую крайность: «Воздвигнем Зои Святоликой храм, / И пусть ее бояться разрушители»? Не подставим ли героиню под новые пересуды и кривотолки? Кому быть святым — то дело божье, не людское. Какому быть людскому вердикту о святости воинов в стихотворении «Я знал их...», еще сорок лет назад прозорливо подсказал воронежский поэт-фронтовик Тихон Павлов:

Не идеальные — простые,
Как все трудяги на земле,
Женатые и холостые,
В расцвете сил своих и лет —
Табак курили, пили водку,
Любили женщин и девчат...
Здесь, на окраине слободки,
Святые грешники лежат.

Даже из самых-самых чистых побуждений стоит ли нам, грешным людям, «придирать крылышки» тем, кого мы чествуем на земле? Впрочем, с тех пор, как завершилась темная пора атеизма, с тех пор, как в России реально обозначились религиозные символы божьего присутствия на земле («Мир стал многохрамен, / являя бесстрастие Будды, / жертвенность Христа»), начало проявляться, видимо, как искушение, этакое свойское, что называется, «быть на короткой ноге» и с самим... Богом. Христос временами бывает более популярным, модным, чем почитаемым. Возьмут да и выбросят на продажу очередную порцию футболок, а то и полотенец с ликом Христа. И не только с ним так вольготно — со всей святостью так: то появится в бутиках модельная обувь с иконкой на каблук, то в магазинах, рангом пониже, в продаже «священный рис» с цитатой из Библии или Евангелия. А ведь заповедано: всей душой, всем разумом своим быть с Богом Христом в церкви наедине, а не напоказ:

Перед Богом и совестью
В тайности
Таинства самотворения.
Жизнь — это шаг
Между Небом и пропастью
В наше бессмертие
Или — забвение.

Галина Якунина. (Владивосток).

Тем не менее, в современной духовной поэзии явно заметен поэтически показной религиозный захлеб. Судя по множеству прочитанных мною стихов, уже укрепилось стойкое убеждение, особенно у молодых и юных поэтов, что достаточно положить в рифмованную строку сакральные слова и образы, как-то: Свет Госпо-

день, Вечные Врата, Свете Благостный, Судный День, Аминь, Ангелы... и — числа совесть перед Богом и читателями. Такие стихи (вновь сужу по себе) не удерживают ничем, схватишь глазами в тексте сакральные слова и не перечитываешь внимательно, потому как заведомо знаешь цену таких рифмованных строк. А вот строки поэта Николая Зиновьева читал, перечитывал, заучил наизусть. Вспоминаю их, когда вдруг начинает мучить: «Жизнь, зачем ты мне дана?» —

«Будь, хоть что, а жизнь прекрасна!»
(А вокруг шумел вокзал.)
Эту фразу пьяный, грязный,
Засыпая, божж сказал.
Я решил съязвить: «Неужто?»
Он откашлялся в кулак
И ответил: «Потому что
Богом дадена, дурак.

Отрадно, что почти на таком же уровне и в сегодняшней поэзии умеют логикой слов и мысли, вызвать в твоей душе сдвиг:

Страшно, товарищи, страшно,
Дамы и господа!
Пьет Горюнова Наташа,
Колется Танька-Беда,
Курит Тверская Вера —
Лет десяти поди...
Вот она высшая мера!
Господи!
господи...

Алексей Крестинин. «Высшая мера».

Есть свидетельства, что и без читательских понуканий в самом поэтическом сообществе идут творческие поиски с прочными находками, которые со временем и позволяют авторам «упасть наверх» —

Лавр нынче дешев, а словам, увы,
нет больше веры. Их переизбыток.
Но хоть в одной из тысячи попыток —
нам смыслы воскресить бы, что мертвы...
И мы без них — живые автоматы,
рабы программ, поработивших мозг.
Вот и трудись, поэт, не для награды...
А рифмы что? Они ничто без веры...

Илья Рейдерман. «Лавр нынче дешев...».

Четверть века — срок весомый. Хотя, как показала история становления современной отечественной литературы, успех творческого деяния менее всего зависит от времени, его выжидательного принципа: чем дольше — тем состоятельнее...

За прошедшую четверть века литераторами, к читательскому сожалению, ничего знакового пока не сделано, не вышло, не вызрело. Об этом говорят и сами литераторы. Но говорят, к читательскому сожалению, больше о том, что литературное сообщество погрязло в спорах за место под солнцем и на отчей земле, что забыто святое общественное предназначение «лиру посвятить народу своему». А результате вопросы без ответов: «...какие связи рвем, / какие силы будим, / каких богов зовем / из волглой темноты?»

На такой мучительный вопрос, слава Богу, той же поэзией найден и довольно-таки дельный ответ. Он — емок, сжат, четок в стихотворении борисоглебского поэта Игоря Лукьянова:

Важны для народа,
Чтоб был он страной,
Георгий с копьем
И Егорий с сохой,
Чтоб силу имея,
Не лихо творить,
А поле засеять...
Себя защитить...

Поиск нужной творческой тенденции для выполнения современной литературой своей общественной и духовной значимости не прекращается. По-другому и быть не может — пока существует мир, пока живут люди, которые без литературы не могут прожить и дня. Как воскресить словом человеческую душу — в эссе литературного критика Вячеслава Лютого, который на примере творчества поэта Виктора Кирюшина именно об этих возможностях воскресения русской литературы через воскресение души человеческой: «И потому во много раз повышается ценность поэзии, в которой красота мира и страдающая душа человека находится в сложных взаимоотношениях — как неразрывное единство, как две части одного целого, которое было некогда задумано Создателем».

О перспективной художественной концепции, которая способна творчески приближать к задуманному Создателем единству, сказал и митрополит Климент при вручении Патриаршей литературной премии. Сказал и обосновал наличие этой художественной концепции в творчестве иерея Николая Блохина, который литературным словом доверительно поведал, как вера и духовное преемство побуждают людей к внутреннему изменению и добродетельной жизни. Сказал и обосновал наличие этой художественной концепции и в творчестве литературоведа Бориса Тарасова, который в ином жанре через XIX век и исторические личности обозначил историко-культурные закономерности, христианские ценности, их этику и традиции.

Особый интерес вызывает оценка и суждение митрополита Климента о творчестве одного из образцовых прозаиков современности Бориса Екимова, произведения которого пронизаны христианским духом, в том числе и те, где нет прямого упоминания христианских реалий...

Русская православная церковь веками поддерживала ту отечественную литературу, которая принимала деятельное участие в поисках объединения русского общества, поскольку исторически сложилось так, что на Руси литературное творчество зародилось и, возрастая, развилось в церковной среде. Первые писатели и поэты — монахи и священники, в произведениях которых люди учились от вещей Слов. Оно, Слово, помогало объединять русские земли, формировать духовность и нравственность народа, зримо показывая, что только в любви к Богу человек сможет больше созидать, а не разрушать, Добром побеждать Зло. И со временем русская отечественная литература становится вровень с Церковью по духовному влиянию на российское общество...

Сегодня Церковь вновь, действуя мудро, помогает нашей отечественной литературе стать на ноги, не вмешиваясь напрямую в жизнь современного литературного сообщества.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл возглавил Общество русской словесности, добровольно возложив на себя сан подлинного подвижничества, потому что деяние этого Общества связано со столь «важным, имеющим отношение к жизни всего народа и всего нашего общества».

Учреждение Патриаршей литературной премии еще изначально превратилось из официального тренда в магистрально творческий путь, в творческий посыл о разумном сочетании в произведениях любой художественной формы христиан-

ского духа и жизненных реалий, духовного и светского, сохранения в человеке божьего и человеческого. Это творческое кредо базируется и на впечатляющей практической основе. Той же книге архимандрита Тихона «Несвятые святые и другие рассказы», ставшей бестселлером и превывсившей немислимый, по сегодняшним меркам, тираж в миллион сто тысяч экземпляров. Книгой, где святость небесная, «приземляясь», входит в души людей и вновь возвышается до небесных высот. Герои рассказов «несвятые святые» своей простой земной жизнью сочетают в себе, не подозревая об этом, идеалы на человеческую сущность и признаки святости. Нет-нет, не той святости, которой они могут быть причислены к лику святых; скажи им об этом — приняли бы за злонамеренное искушение, а совсем-совсем иначе. Обретать святость на земле сложно, но можно, утврждают «несвятые святые» своими повседневными деяниями — они ведут себя праведно, чисто и честно, они претерпевают сложности бытия, козни, неправду, злобу, болезни и скорби, но ропщут на время, на обстоятельства, преданно уповая на Бога. Всегда помнят и русскую поговорку «Доброе дело дороже поклонов»...

Благо, что начинают создавать близкое к произведениям подобного воздействия на читателя и светские писатели, которые рассматривают важность нравственного преображения человека в миру тем, как он выполняет завет «Помоги спастись тем, кто вокруг тебя, тем и сам спасешься».

Сразу, как только на смену атеизма пришло время открытого доступа к вероисповеданию любой религии, появилось на уровне эйфории мысленное убеждение, что теперь все само собой и свершится. Жизнь показала, что все далеко не так, что верна русская поговорка «Силой отнять можно, а дать нельзя». Напористой силой убеждения — тоже. Это должен быть доверительный, вразумительный, терпеливый разговор по душам в литературе, как в Церкви. Ведь пока в реальной жизни —

То ли плач и мольба, то ли яростный крик
Вознесется к высокому птичьему гаму?
И смеется и плачет поддатый мужик,
Не нашедший дороги ни к дому, ни к храму.

Наталья Кожевникова.

«Божья мать смотрит со скорбной улыбкой».

Проблема прямой дороги к Богу, чтобы никуда «на сторону», проблема не только нашего времени. И раньше, в том же христианском православии, пронизавшем все бытие русского народа, при обилии церквей, храмов, монастырей да с непрерывным кругом служб в них, божественных литургий, «человек» в свой «век», маскируясь внешней обрядностью, жил равно и в безверии...

Безверием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит...
И сознает свою погибель он,
И жаждет веры — но о ней не просит...
Не скажет век, с молитвой и слезой,
Как ни скорбит перед замкнутой дверью,
«Впусти меня! — Я верю, Боже мой!
Приди на помощь моему неверью!..»

Федор Тютчев. «Наш век».

Современному человеку куда сложнее: всюду-всюду пути на пути спасения, пути, которых не знал наш предок верующий... Ныне человек прежде всего «экономический персонаж». И лишь потом — христианин, католик или иудей, американец, европеец, японец или русский, мужчина или женщина, талант или бездарь. Каждый из них имеет свой денежный эквивалент, а вскоре все будут иметь

свой виртуальный знак (чип). Современный человек во всем мире — сам себе крест, небо, кузнец своего счастья. Равно как и несчастья... Современная цивилизация, технический прогресс позволяют определенной части населения жить сытно и комфортно. Но «обильна сытость — высоко высокомерие»... Ко всему этому и странная необъяснимая метаморфоза, по которой почему-то часто и случается так: чем просвещеннее — тем развращеннее. Обращение к Богу считается зазорным, слабиной, маргинальным менталитетом, обращение к Богу заменяется безумной земной радостью: «Свободен как птица / И сам себе Бог». Чем и подтверждается все более и более констатации атеиста Сартра: «Образовалась дыра на месте Бога». О том, что «Когда-то ведь разделится и мы / На черный слой земли и свет небесный» современного человека вовсе не беспокоит, поелику он уверен, что никакой такой вечной жизни нет, все это досужие религиозные выдумки. Есть только одна жизнь — земная! «Наша жизнь — это то, что сейчас» (Жак Превер). А вот сам мир, «этот безумный, безумный, безумный мир», однако, себе на уме. Он не оставляет человека свободным от себя, от сегодняшней толерантности, подталкивающей к необузданной свободе, к освобождению от религиозных, традиционных, национальных ценностей, подменяя их кодексом инстинктов под термином «мультикультура». И потому на пронзающем все и вся мировом информационном поле ловят каждого, где никому «не спрятаться, не скрыться», где:

По одному нас ловит стая:
Под дых — ага, по морде — хрясь,
Как бы резвясь и играя,
Но не играя, не резвясь.

Дмитрий Мурзин. «Какое сильное звено...».

В Европе современная политическая элита (создается впечатление по стандарту «евро») спешно стремится взамен традиционных семейных ценностей устроить общежитие нового толерантного толка, с признаками дома публичного, с его витриной непотребства, отражающей взрывы сексуальности и гомосексуальности, массовые гей-парады, празднество и венчание однополых браков. Куда там сексу по расписанию, как вершины извращенной диктатуры порядка, тотального контроля и демократии в утопическом романе русского писателя Евгения Замятина «Мы». Да куда там!

Сегодня в России появилась уникальная возможность обретения и сохранения в человеке божьего и человеческого — жизненно необходимого и для разумного бытия отдельно взятой личности, и для укрепления государства Россия. В духе сопричастности к этой благородной и спасительной миссии, что очевидно всем, а не только литераторам, и может проявить себя современная отечественная литература, ответить ясно на животрепещущий вопрос читателей: «Камо грядеши?» И на другой вопрос тоже, вопрос очень злободневный, не только для того времени, когда он прозвучал: «С кем вы, мастера культуры?»

А пока очевидно, как и в большинстве литературных произведений всех форм и жанров, многие современные лидеры живописи, музыки, театрального искусства так же, как и декабристы, далеки от народа. Но, как ни парадоксально, их отдаленность от народа не так опасна, как — сближение! В эпатажных премиальных литературных произведениях, кинофильмах, на престижных выставках живописи, театральных спектаклях с матерящимися актерами и актрисами, не отстающих от них эстрадных певичек, именуемых звездами, помимо бескультурья, да простится мне тавтология, культивируется безнравственность, низкие инстинкты. То всем, кроме создателей, видимый «знак беды», потому что такая «культура» (именно в кавычках), здесь не надо быть и тонким знатоком, ставит целью стереть различие между нравственностью и безнравственностью, между

Богом и маммоной, между истиной и злонамеренным искажением земного человеческого облика, между безобразием и красотой. Ситуация близка к той, что на Донбассе, где идет гражданская война, где вернулось «*время средневековое, время матерное, страшное*», так и у нас, где исподволь тлеет «гражданская» война в душах. Ведь ситуация возбуждает, сподвигает порой на нецивилизованные противодействия со стороны зрителей и слушателей. На той стороне — не включается рассудок на поиск ответа хотя бы на простой вопрос: «А что не так?», — сразу включается апломб на собственную непогрешимость жрецов искусства, поношения серости народа, зов к власти оградить от этой серой толпы, зов, не забывающий и напомнить той же власти, что она, дескать, обязана по-прежнему щедро финансировать сомнительные новации.

По поводу подобных явлений в художественной среде прозвучало авторитетное мнение Святейшего Патриарха Кирилла: «Есть такие формы культуры, которые рождают негативные настроения и с которыми тяжело найти примирение. Нас приучают к мерзости и глупости под видом искусства. Если в нем не раскрывается закон гармонии, а именно он лежит в основе мироздания, значит, это псевдо — или антиискусство, и его цель — не возвышать человеческую личность, а разрушать ее».

По иному поводу и в другое время было сказано, что безнравственная экономика никаких перспектив не имеет. Это сказ о том, что жажда наживы бесперспективна, что безрассудное обогащение сверх нужного губительно для души бессмертной, если вспомнить евангельскую притчу о безрассудном богаче и его «беззащитной обеспеченности» —

Ты думаешь — завтра я житниц настрою,
Скажу я душе: «Ешь и пей! Мы богаты!»
Безумный! Сегодня ночью порою
Придут за душой — и возьмут без возврата.
Ей надо-то было чуть-чуть корвалолола —
Нашли лишь вино да удачу в бокалах...
Пора бы поплакать о жизни веселой,
Пора помолиться, чтоб завтра настало.

Андрей Попов. «Перед вечерней молитвой».

О предназначении литературного слова крепить взаимность житейской нравственности и нравственности христианской как принципе творческого действия и позиции верно написал известный прозаик, поэт, драматург отец Варнава (Санин) —

Взирая на жизненную панораму,
Я прихожу к такому итогу:
Что за дорога, если она не ведет к храму?
Что за слово, если оно не ведет к Богу?

Напутственно и современно звучат и слова Федора Михайловича Достоевского — всем нам на все случаи нашей мятущейся жизни: «Больше веры, больше единства, и если любовь к тому, то все сделано».

